

ИЗ ИСТОРИИ НАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ У МОРДВЫ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

© 2008 Ю.Н.Сушкова

Мордовский государственный университет им.Н.П.Огарева

В статье рассматриваются обычно-правовые аспекты жизнедеятельности мордвы в период советской власти, главным образом в 1917 – 1950-е гг. Анализируется деятельность сельских сходов и судов старейшин, как основных органов народного правосудия. Центральное место занимает исследование общины, выступавшей юридическим гарантом реализации традиционного права. Автором описывается эволюционное развитие общины и ее организационно-правовых структур в условиях формирования сельсоветов и колхозов. На базе широкого круга источников, в основном архивных и полевых материалов, приводятся конкретные примеры разрешения правовых конфликтов в сфере уголовно-правовых и имущественных отношений в соответствии с нормами обычного права.

Обычно-правовые нормы в годы советской власти подверглись изменениям, адаптируясь к новым условиям политического, государственно-правового, социально-экономического режима. Здесь важно подчеркнуть, что место обычая в системе источников советского права не было определено однозначно. С одной стороны, идеологи коммунизма во многом пропагандировали значимость народного разума и традиций, крестьянского самоуправления, нередко опираясь на них в борьбе за власть, а с другой, взяв ее, стремились нивелировать этническую самобытность, формируя унифицированную советскую государственно-правовую систему. Вместе с тем, представляется не совсем верной и слишком односторонней позиция некоторых исследователей юридического плюрализма, считающих, что в советский период в условиях доминирования "коммунистического права" отношение власти к обычному праву было сугубо негативным¹.

При формировании советской государственной системы этнический фактор играл немалую роль. Так, в обращении Народного комиссариата по делам национальностей к Советам различных регионов об очередной задаче советской власти (апрель, 1918 г.) говорилось: "Для того, чтобы власть там (на окраинах. – Ю.С.) стала народной, нужны специальные способы вовлечения трудящихся и эксплуатируемых масс этих окраин в процесс революционного развития, необходимо поднять массы до Советской власти, а их лучших представителей слить с последней. Но это невозможно без автономии этих окраин, то есть

без организации местной школы, местного суда, местной администрации, местных органов власти, местных общественных, политических и просветительных учреждений с гарантией полноты прав местного, родного для трудовых масс края языка во всех сферах общественно-политической работы". В резолюции X съезда РКП (б) "Об очередных задачах партии в национальном вопросе" от 15 марта 1921 г. перед партией ставилась задача "помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию", "развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов, действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения"².

На первом этапе становления нового государства в условиях военной конфронтации существенную поддержку имели народные способы кулачного права, направленные на сохранение советской власти. Во время Гражданской войны (1918 – 1921 гг.) на территории Мордовии произошли многочисленные вооруженные восстания. В течение 1918 г. народные выступления наблюдались в селах Большой Азясь, Бранчеевка, Атюрьево, Яковщина, Глушково и др. В феврале началось восстание на территории современного Большеигнатовского района. Из села Киржемань оно перекинулось на села Чукалы, Пикшень, Кельвьядни, Новое Качаево, Жабино, Ардатово. Наиболее крупным стало "ча-

панное" (от "чапан" – верхняя крестьянская одежда) восстание в марте 1919 г., охватившее до 150 тысяч поволжских крестьян. Особенно сильным движение "чапанников" было в селах Кайбичевской, Шугуровской, Тазинской, Большеберезниковской, Неклюдовской, Печурской и Медаевской волостей. Восставшие с топорами и дубинами под руководством местных кулаков выступали против партийных и советских работников. Крупные восстания произошли в мордовских селах Симкино, Шугурово, Пермиси. Крестьянство выступало против политики советской власти, которая первоначально предоставила общинам полную свободу в разделе земли и имущества помещичьих имений, а в дальнейшем (с VII съезда РКП (б)) начала отбирать у деревни имущество (хлеб, скот) и проводить мобилизацию.

Одним из основных органов советской власти выступали советы, параллельно с которыми продолжали действовать сельские сходы. В течение первых лет советской власти местные органы управления в форме сельских советов не имели у населения должного авторитета. Среди причин подобного отношения называлась та, что у них "слишком мало прав для разрешения даже насущных вопросов, а имеющиеся права ими в полной мере не используются". Отношение населения к выборам в органы местного самоуправления часто носило формальный характер. Многие отказывались от работы в них, мотивируя это тем, что будет нанесен ущерб личному хозяйству. Уровень посещаемости собраний, проводившихся сельскими советами, был достаточно низким: по Саранскому уезду за 1926 г. — 39,4 % мордвы, а за 1927 г. — 47,3 %³.

В отчетах обследования исполкомов сельских советов и учреждений Саранского уезда губернскими и уездными работниками говорится: "Все дела решает общее собрание, сельские Советы ничего из себя не представляют, ввиду того, что... царит матушка-старина. Граждане никак не хотят понять, что по законам Советской власти общим собранием должны руководить сельские Советы, а они предлагают наоборот... Ревизионная комиссия произвела ревизию. Зачитывает на общем собрании акт ревизии. Общее собрание выносит постановление – работу сельского Совета признать слабой, так как ревкомис-

сия делала ревизию одна, а граждане требовали это сделать на общем собрании, зачитывая каждую статью прихода и расхода, где бы их обсуждали сами граждане: принять эту статью или нет"⁴.

Существенным противоречием обычного и позитивного права советского периода стал слом общинного уклада и проведение коллективизации (1929-1937 гг.). В данный период особенно остро проявилась тенденция к уничтожению крестьянских обычаев и системы традиционного самоуправления. Крестьян зачастую вынуждали вступать в колхозы с помощью административных методов. "При коллективизации против возражавших принимались такие угрозы: "Ты, значит, против колхоза, тебе захотелось в Соловки, как твоя фамилия?" Конечно, мужик прятался и фамилию не говорил, больше предпочитал молчать"⁵.

Особо сильное недовольство вызывало раскулачивание, которому подвергались не только зажиточные крестьяне, но и не уплатившие различные налоги. Приведем пример из практики Ачадовского (ныне Zubovo-Полянского) района: "Раскулачивание, как правило, происходило под видом уплаты задатков на трактора, были случаи, когда некоторые хозяева находили требуемую с них сумму на трактора и оставались нераскулаченными. Срок уплаты давали 1 – 2 часа. По его истечении имущество конфисковывалось. Всего по району было раскулачено до 900 хозяйств, или 2,1 % к общему числу хозяйств района. Районные руководители считали, что они директиву области не выполнили потому, что якобы установка была до 3 %"⁶.

С возникновением колхозов серьезно обострились противоречия между различными социальными группами крестьян. Много было жалоб на захваты лучших земель в увеличенном размере: "У нас на душу приходится 7 – 8 сажень, а у колхозников 15 сажень. Отрезали самую лучшую землю, а нам оставили песок да камни... И просо нам не оставили. Скот, должно быть, придется нам на аэроплане переправлять на наше поле"⁷. Некоторые колхозники слишком усердствовали в выявлении кулаков и подкулачников, ибо все постройки и инвентарь раскулаченных переходили к ним. Известный мордовский общественный деятель Г.К.Ульянов в очерке "Мор-

довская деревня как она есть", написанном им по результатам поездки по ряду сел Мордовии в 1930 г. писал: "Настроение деревни крайне подавленное, запуганное. Бывшие здесь острые перегибы еще не забыты. При каждом удобном случае приходится слышать жалобы – что тут делалось зимой. Разорвали не только богатых, но и настоящих тружеников, кто... ночи не спал, трудился". О кулаках колхозники отвечали: "Кулаков, пожалуй, нет, а подкулачники остались, только присмирели, попрятались... Осенью надо будет пощупать... Единоличники на этот счет определенно передают, будто колхозники говорят: "Вот осень придет, процентов 25 еще облупим"⁸.

Об одном эпизоде мщения за донос рассказал житель мокша-мордовского села Кижеватово Пензенской области П.Г.Самушкин. "В 1930-е годы во время раскулачивания, – повествовал он, – один человек сообщил властям о богатых сельчанах. Узнав об этом, они поймали доносчика, им был дед Марии Крюковой, и повесили на дереве у речки Селикса (ранее река называлась Циркавьлей). Несколько дней он висел, и никто из сельчан не снял труп, потому что он был повешен за дело. Так он и провисел до приезда милиции". "До сих пор многие люди помнят тех, кто участвовал в раскулачивании, нередко спустя годы сводят счеты с теми, кто указывал советским работникам на кулаков и середняков. Даже до сих пор в селе со стороны отдельных людей сохраняется неприятие: "Он – сын батрака, помогал дедушку раскулачивать". Особенно споры обострялись, когда дело касалось земельных разделов, сразу вспоминали про этот период", – сообщил уроженец мокша-мордовского села Сузгарье Рузаевского района Республики Мордовия⁹.

За годы "сплошной коллективизации" (1930 г.) в Мордовии произошло 178 массовых волнений, в которых участвовало свыше 35 тысяч человек. Наибольшей активностью отличились Рыбкинский район (27), Торбеевский (16), Ардатовский (15), Зубово-Полянский (15), Ромодановский (13). Как правило, они проходили под одним лозунгом: "Долой колхоз". Всего за 1930 – 1933 гг. по данным ОГПУ – НКВД в Мордовии произошло 83 "крупных выступления", особенно в селах Луньга (эрзянское), Чукалы (эрзянское), Парадеево (эрзянское), Новая Муравь-

евка (мокшанское), Старые Турдаки (эрзянское), Налитово (Пуркаево) (эрзянское), Старая Теризморга (мокшанское), Пурдошки (русское) и др. Массовые выступления произошли в с. Мордовская Паевка Инсарского района в 1937 г. и в Рыбкинском районе летом 1940 г. Восстания этого периода во многом способствовали отказу властей от идеи обобществления всего крестьянского имущества, вынудив их ограничиться лишь производственной его частью, пусть временно, но приостановили процесс "сплошной коллективизации". К 1939 г. в "единоличном пользовании" еще оставалось около 18% всех хозяйств Мордовии, в то время как по плану уже к 1933 г. таковых должно было остаться не более 5 %¹⁰.

Несмотря на противодействие со стороны народа разрушению общины, колхозы стали основной формой организации и ведения сельского хозяйства, хотя новая система уравнивания существенно подрывала стимулы крестьян трудиться на земле. С образованием колхозов традиционные органы управления продолжали функционировать, однако претерпели определенные изменения. Сходы нередко стали называться колхозными собраниями, на которых присутствовали члены колхоза (колхозники). На них обсуждались как хозяйственные, так и другие актуальные вопросы жизнедеятельности: выбор председателя, начисление премии, выплаты обязательных платежей, ремонт техники, график проведения сельскохозяйственных работ (подготовка к посеву, сортировка семян, удой молока и др.), строительство школы, клуба, поведение членов колхоза и др.

К примеру, И.С.Апраткина из села Новое Пшенево Ковылкинского района Республики Мордовия вспоминала, как незадолго до войны на сход собрались мужики с двух улиц, чтобы решить вопрос о рытье общего колодца. Спор возник из-за того, кому ближе он должен располагаться. Мужчины подрались, к соглашению не пришли и колодец не вырыли. Только спустя десять лет на каждой улице вырыли свои колодцы. Аналогичный случай произошел в 1958 г. на сходе в доме культуры села Мордовский Пимбур Зубово-Полянского района РМ, когда взрослое население двух соседних улиц спорило о месте расположения колодца. "Колодцев было мало

и жителям улиц приходилось ходить за водой в другой конец села, в итоге участники схода подрались между собой, но не смогли договориться. Рытье колодца было осуществлено только через пять лет", – рассказывала жительница села¹¹.

На собраниях стали присутствовать не только мужчины, но и женщины. Проблема улучшения правового положения женщины-мордовки широко обсуждалась не только на собраниях, но и в средствах массовой информации. В избах-читальнях, клубах шли соответствующие спектакли, на которых осуждали старый быт, тяжелую жизнь забитой и бесправной крестьянки, призывали к скорейшей ликвидации ее безграмотности. Так, на общем собрании женщин эрзя-мордовского села Челпаново Козловского (ныне Атяшевского) района Мордовского автономного округа в 1928 г. отмечалось, что "только при Советской власти женщины могут участвовать в работе наравне с мужчинами, но наша темнота мешает активному участию в общественной жизни села. Мы, женщины, объявляем с темнотой борьбу и охотно будем посещать ликпункт". А в приветственной телеграмме I областного съезда женщин мордовской национальности от 17 ноября 1930 г. говорилось: "Все делегаты съезда обязуются своим примером активной работы организовать мощный поток единоличниц в колхозы, провести в Советы лучших беднячек, середнячек и, в первую очередь, колхозниц, самым решительным образом взяться за переустройство своего быта".¹²

Вместе с тем, многие мордвинки препятствовали изменению обычно-правовых норм организации и проведения сходов, в том числе включения в их состав женщин. Н. Росницкий в книге "Полгода в деревне", написанной по материалам обследованных в 1923 – 1925 годы волостей Пензенской губернии, в том числе ряда мордовских, писал, что женщина продолжала оставаться "первой жертвой патриархальной замкнутости тогдашней семьи". К ней относились по-старому, на сходы не пускали, а осмелившуюся высмеивали, оскорбляли, а иногда избивали. "Если бабы на собрания будут ходить, то мы без штанов останемся", – заявляли некоторые мужики¹³.

В селах особым авторитетом продолжали пользоваться старейшины. "На каждой

улице был старейшина, в случае серьезных споров обращались к нему за помощью. Старейшины пользовались большим авторитетом, собирались вместе для разбирательства общедеревенских дел. К ним также обращались в случае спора между соседями, возникшими в основном из-за межи или проходом скотины на чужую сторону. Если старейшина не мог решить вопрос один, тогда собирались все сельские старики, и поссорившиеся соседи не смели сказать слова против", – сообщила мордовка из села Атяшево¹⁴.

В военный период все силы страны, в том числе и мордовского края, были направлены на борьбу с внешним врагом. Мордовские воины нередко обращались не только к православному богу, но и к мордовским языческим божествам с просьбой помочь в борьбе с врагом, дезертирами, правонарушителями. "Отец рассказывал, будто во время войны видел мордовскую богиню. Смотрит – в окопе сидит высокая здоровая женщина с длинными волосами и в старинном мордовском наряде. В селе в то время мордовские костюмы уже практически в повседневности не носили. По его словам, это была Вирь-ава, которая спасала мордовских воинов, направляла их на правильный путь", – рассказывал мордвин из села Старое Дракино Ковылкинского района РМ¹⁵.

В годы войны продолжали собирать сходы, проходившие обычно в сельсовете или в каком-нибудь большом доме. На сходах решали вопрос помощи военным, проблемы выдачи хлеба многодетным семьям, распределения сирот по семьям, в которых не было детей, и тем, кто мог прокормить. Собирались в основном по вечерам, поскольку днем и даже ночью народ трудился. Решения сходов исполнялись немедленно.

В послевоенные годы в условиях восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства социально-экономическая и политико-правовая жизнь села возобновляла некоторые прежние формы своего функционирования. Так, 25 октября 1968 г. было принято Положение об общественном сельском комитете в населенных пунктах Мордовской АССР, в котором отмечалось, что в отдаленных от центра сельского Совета населенных пунктах в соответствии со ст. 76 Закона "О сельском, поселковом Совете депутатов тру-

дящихся МАССР" на сходах (собраниях) граждан путем открытого голосования большинством голосов должен избирался сельский комитет в пределах от 5 до 9 человек. Данная общественная организация создавалась для содействия деятельности сельского Совета и его исполнительного комитета при организации населения на проведение работ по благоустройству населенных пунктов, оказание помощи учреждениям культуры, народного образования, здравоохранения, предприятиям торговли, общественного питания и бытового обслуживания. От собраний крестьян по колхозам и селам избирались представители, входившие в состав избирательных комиссий различного уровня по выборам в районные, сельские и поселковые Советы депутатов (ст.ст. 26, 42, 45, 54)¹⁶.

Заметно расширился круг обязанностей и прав депутатов: им было предоставлено право запроса на сессии к руководящим работникам исполкома Советов и других учреждений; депутат должен был отчитываться перед избирателями не реже одного раза за полугодие. К функциям Советов народных депутатов относились и обязанности по учету особенностей природных условий, самобытности национальных обычаев и традиций. На сессиях стали чаще обсуждаться вопросы культурного и бытового обслуживания сельчан, благоустройства населенных пунктов, общественного правопорядка. Сельский сход становился правомочным собранием граждан, на которых решались многие важные проблемы села. В них участвовали все жители села, обладавшие избирательным правом.

Послевоенный период связан не только с восстановлением хозяйства страны, но и увеличением налогов, усилением командно-административной системы управления. Тяжелое материальное положение народа во многом способствовало увеличению числа преступлений в сфере экономики. В связи с отсутствием средств на пропитание на селе нередкими стали случаи воровства, особенно колхозного имущества, как правило, не осуждавшиеся народом. По обычаю солидарности и взаимопомощи сельчане старались поддерживать друг друга материально, предоставляя займы деньги и с пониманием относясь к совершению мелких правонарушений, главным образом, хищений. "Отца убили на вой-

не. Хозяйство опустело. Мать одна воспитывала шестерых детей. Добрые люди помогали нам, старые вещи давали доносить, кто-то приносил хлеба. Я, вспоминая эти тяжелые времена и людскую доброту, всегда и сейчас стараюсь, когда просят, дать денег займа или помочь как-то иначе. Лучше посижу без денег, но обязательно выручу. В послевоенное время сама воровала, чтобы прокормить семью. Был такой случай. Ходила я с женщинами в соседнее село Пензятка воровать картошку, которая на полях оставалась необранной. Опустились на колени и только начали собирать, как заметил нас сторож, подъехал на лошади, чуть было не ударил кнутом, но я не растерялась, начала ругаться с ним. Он заставил высыпать картошку и выгнал нас с поля. Ушли мы без всего, но нас никто не осудил. Сторож кричал, но нас не выдал, потому что понимал наше бедственное положение"¹⁷.

Мордовки из села Паево рассказывали: "Воровство осуждалось лишь в том случае, если мотивом служили цели наживы (кража вещей у соседа и др.). Воровство зерна из колхоза (по горсти прятали по карманам и приносили домой), необходимое для того, чтобы выжить, не считалось в народе преступлением. За 1 выработанный трудодень в конце года давали всего 200 граммов зерна. В семье было до 12 человек. Жили на продукты собственного производства. После уборки собирали остатки свеклы (кормовой) и картошки с полей. Брали все, что не принадлежало индивидуальному хозяину. Председателем колхоза в селе был в 1950-е гг. Петр Данилович Макаркин, который проработал около 5-ти лет. Он видел, что люди воруют, но воровали понемногу и лишь для того, чтобы выжить. Он в шутку говорил: "Что, опять собрались хлеб воровать. Тинь-тиньц панчф-састь тюрьмань кинкшт" ("Вы сами открываете тюремные двери"). Был случай, когда вор залез за зерном к соседу и был убит на месте преступления"¹⁸.

В то же время, воровство из корыстных побуждений глубоко осуждалось в народе, особенно если потерпевшими были люди, находившиеся в тяжелом материальном положении. Оперуполномоченный, в дальнейшем начальник отдела кадров Министерства внутренних дел Республики Мордовия, уроженец эрзя-мордовского села Пикшень Большебол-

динского района Нижегородской области П.К.Любаев вспоминал о своем первом расследовании, связанном с кражей коровы в селе Воскресная Лашма Ковылкинского района Республики Мордовия: "Неоднократно судимый за воровство тайно угнал на свой двор отставшую от стада корову одной колхозницы и зарезал ее. Оставил без молока 5 детей, сирот солдата, погибшего на войне". По его словам, в народе этот поступок сильно осуждался, и сельчане настаивали на раскрытии данного дела и установлении личности преступника. В результате расследования виновный был выявлен, а в качестве доказательства были представлены коровьи рога, спрятанные вором на своем дворе в навозной куче"¹⁹.

За воровство в качестве народного наказания традиционно применяли вождение по селу. Вот несколько примеров данного вида наказания, имевших место в советские годы:

1. "Мужчина украл в лавке колбасу. Односельчане провели его с колбасой на шее по селу и дали прозвище Калбас-Боря. В народе его осуждали. Был случай, когда две женщины украли горох и оставили на месте кражи кепку брата одной из женщин, чтобы отвести от себя подозрение. Народ стал опрашивать свидетелей – детей, которые сразу сказали, что мама принесла много гороха. Правда, женщину за это никак не наказали"²⁰.

2. "Одну бабушку водили с мешком колосков"²¹.

3. "Женщина накопила картошку в чужом огороде, ее с этой картошкой по селу провели"²².

4. "Женщина украла козу, ее увидели и общили в сельский совет. Шкуру козы повесили на нее и провели по селу. Эту женщину, ее семью и род стали называть "Козань салай" – прозвищем, которое в дальнейшем передавалось за ними из поколения в поколение"²³.

5. "Один мужик украл лошадь, его поймали, собрали сход, на котором вынесли решение – посадить в рыдван (морд. *каламашкас*), везти по селу и кто сколько хотел, столько бить розгами"²⁴.

6. "После революции, но ранее 1930-х гг., была украдена лошадь, поймали виновного, с лошадью водили по селу и избивали розгами"²⁵.

7. "Был такой случай в одном из сел Старо-Шайговского района, когда человек стано-

вился изгоем. Жила одна бабушка, родных у нее не было. Содержала козу, которая была ее кормилицей. Один мужик украл козу и зарезал в бане. Тушку положил в мешок и понес домой. Наутро по следам крови нашли виновного. Устроили самосуд. Председатель колхоза повесил эту тушку ему на спину, заставил весь день ходить по улице и кричать: "Я – вор, я – вор". Потом его посадили в жарку (дом, где подковывали лошадей). Там он просидел трое суток без воды и еды. Затем его отселили в дом на окраине, где он жил один. С ним все перестали общаться"²⁶.

8. "В случае кражи обмазывали дегтем перья из подушек, высыпали на вора и проводили по селу"²⁷.

9. "За воровство одного парня раздели догола, провели по селу"²⁸.

10. "Женщина украла теленка, ее увидели. За это ее побрили наголо и провели по селу. Это считалось для женщины самым большим унижением"²⁹.

За совершение тяжких преступлений виновного могли избить. За воровство колхозного имущества обычно били палками, кнутами, цепями, как правило, на месте преступления. Если воров обнаруживали другие сельчане, то, поймав, не только избивали, но и приводили к хозяевам. Мордвин из села Старое Дракино Ковылкинского района рассказал о святом месте – Керьдеш-роднике, открытом по легенде дедом Керьде. В 1970-х гг. одного мужчину соседская лошадь случайно ударила вожжами, в результате чего он упал и потерял сознание. Тот не видел лошади и посчитал, что его избили из-за земельного спора. После этого случая он решил помириться с соседями, на этом месте открыл родник, который назвал "родником примирения". В 1980-е гг. в селе Мордовский Пимбур двое мужчин избили одного парня. Пострадавший не стал рассказывать о случившемся и обращаться за защитой, побив впоследствии каждого из обидчиков поодиночке. В итоге они примирились, так как все равно "жить в одном селе нужно"³⁰.

Не совсем типичное преступление произошло в 1987 г. в мокша-мордовском селе Парापино Ковылкинского района РМ, называемое в народе "делом о мордовских ниндзя на лошадях". Парापинские парни, наподобие японских ниндзя, закрывая лица масками, об-

лачившись в черное одеяние на лошадях по вечерам объезжали близлежащие села, бросая для устрашения на пути цепи. Таким образом они держали всю округу в страхе. По вечерам никто не выходил на улицу, все боялись. Были случаи, когда парни ловили сельских девушек с целью женитьбы. Но парापинские девушки собрались вместе и решили дать отпор, с одного из "ниндзя" они не только сорвали маску, но и поколотили его. После этого случая парни перестали озоровать, однако дружить с юношей из с. Парапино стало считаться престижным, ибо это означало, что всегда под защитой и никто не посмеет обидеть. До сих пор обитателей окружающих сел нередко охватывает робость при виде жителей села Парапино. Это в округе иногда называют эффектом "спрута", подразумевая предприимчивость парापинцев: "Хоть парापинские наглые, смелые и дерзкие, они большего добиваются в жизни, держат крепкие хозяйства, строят двухэтажные дома с мансардами"³¹.

Уроженки мокша-мордовского села Перхляй поделились воспоминаниями из деревенской жизни: "Обычно за преступления отводили в лес и били плетью, нередко до смерти. Помню случай, как однажды вечером, гуляя с подругами по улице, услышали крики. Побежав поближе, мы увидели, как один мужчина дерзко бил цепями другого, но мы ничем не могли помочь. Мужчина остался инвалидом на всю жизнь". Другая жительница села поведала о мужчине по имени Мшне, которого сельчане избили за воровство, после чего он хотя и остался жив, но потерял рассудок. "Мстили друг другу часто. Например, парень с друзьями мог избить соперника, встречавшегося с его девушкой". В обычно-правовой практике советского периода бывали случаи членовредительства за воровство.³²

Распространенным обычно-правовым способом восстановления справедливости являлся поджог. О конфликте, завершившемся поджогом, рассказали две мордовки из поселка Чамзинка Чамзинского района Республики Мордовия: "История произошла в 1930 – 1940-х гг. в колхозе села Мокшалай Чамзинского района. Из-за неурожая одна женщина была вынуждена несколько раз своровать колхозное зерно. В один из дней при проходе через вахту сторож увидел зерно и об этом

случае доложил председателю колхоза. Женщина получила публичный выговор на колхозном собрании, а также была лишена премии. В отместку сторожу обиженная колхозница подожгла стог сена, который стоял возле его дома. Эта история стала активной темой сельских пересудов. Жестоким критике были подвергнуты как действия сторожа, предавшего женщину, находившуюся в состоянии отчаяния, так и поступок самой женщины, поскольку можно было найти другой способ преодоления сложного материального положения, например, взять в долг и т.п."³³.

Другая мордовка сообщила: "В течение длительного времени жители одного из сел Торбеевского района находились в страхе за свое имущество и жизнь. А виной тому были пожары, пожирившие жилища и надворные постройки сельчан. Так, на почве личных неприязненных отношений один сельчанин решил отомстить другому, совершив поджог его жилища. С этой целью он подошел к его дому, нашел там легко воспламенявшиеся куски мешковины, которые положил в проем между домом и примыкавшим дровяником и при помощи спичек поджег их. После этого он поджег еще два дома. Так поджог как способ выяснения отношений вошел в привычку этого мужчины. Четвертый поджог был совершен в школе привычным способом в состоянии алкогольного опьянения и на почве ссоры с престарелым жителем села. Вскоре поджигателя-мстителя задержали"³⁴.

А вот еще несколько примеров конфликтов с поджогом, записанных автором от мордовских информантов. "По наследству дом достался старшему сыну, а младший из зависти к старшему, сжег сарай. После этого два брата не общаются. Был случай, когда на возвращавшуюся с работы женщину сзади напал человек в маске. Она начала кричать, звать на помощь. В дальнейшем женщина подала заявление о нападении в милицию. Стали расследовать дело. Обнаружили мужчину, пошли к нему, он признался в содеянном, принес маску, в которой совершил нападение. Его судили, дали несколько лет условно. Спустя пару месяцев после приговора у названной женщины подожгли баню. В народе говорили, что это месть"³⁵.

В советское время совершение особо тяжких преступлений для сельской местности

не было характерным. Имели место небольшие кражи, расследовавшиеся, как правило, без привлечения милиции. Единичные случаи убийства запоминались надолго. Старожил мокша-мордовского села Глушково Кадошкинского района Полина Корнеева, 1939 года рождения, припоминает ряд случаев убийства сельчан, в том числе и ее мужа. Приехали незнакомые люди в село, чтобы приобрести спиртное. Однако никто не стал продавать чужим, а одна женщина рассказала об этом односельчанам. Завязалась драка, в результате которой был убит один их чужаков. Те решили отомстить за убийство. Вернулись с друзьями. Ночью на улице никого не было. Прошлись по деревне. В тех домах, где были открыты двери, забрали всех стариков и стали их допрашивать, кто убил. Один старик сказал, что они не при чем, но произнес фамилию Клишкин, хотя и не знал, виноват ли он на самом деле. Из всех стариков выбрали Клишкиных. Их повели на берег реки. "Мы ничего не знаем", – отвечали старики. Дали им в руки лопаты и заставили рыть яму. Когда они ее вырыли, теми же лопатами их убили, бросили туда, а других стариков (с другими фамилиями) заставили закапывать. Эта трагедия надолго осталась в памяти людей³⁶.

В исключительных случаях совершение убийства было связано с народным наказанием, применявшимся к преступникам, содеявшим наиболее тяжкие преступления, к примеру, конокрадство. Так, в 1920-е годы у М.Т.Туркичева, – крестьянина села Мордовская Норка Шемьшейского района Пензенской области в предбазарный день угнали хорошую, породистую кобылу. Посадил он на лошадей пятерых своих братьев и отправил в разные направления на розыск. Вора нашли на предстанционном базаре (Канаевка), что в 30 км от Норки, привязали к хвосту лошади и доставили в село. Заточили в подвал, избивали несколько дней. Один из братьев Лаврентий пожалел его и убил одним ударом. В селе никто не осудил их, так как конокрадство считалось одним из самых тяжких преступлений. У конокрада была фамилия Буруев. Позор остался в семье. Максим дал родственникам денег, чтобы нормально похоронили конокрада. За конокрадство обычно карали смертью, так как лошадь была кормилицей семьи³⁷.

Одной из самых жестких мер наказания считалось изгнание из села, колхоза. В селе

Старое Дракино Ковылкинского района Республики Мордовия был случай крупной ссоры колхозника с председателем. "Председатель созвал собрание, поставил вопрос об исключении человека из коллектива. Все участники собрания проголосовали "за", и ему пришлось оставить село. Может решение и неправильное, но так было. Человек этот продал дом и уехал", – отмечала мордовка, участвовавшая в данном собрании. Могли выгнать из деревни за воровство, отказ от работы. Людей, совершивших какие-либо преступления, сторонились, поэтому они были вынуждены уехать из села "В клубе пьяный мужчина пырнул ножом председателя сельского совета. Мужчину посадили в тюрьму, а его семью выселили из деревни"³⁸.

При проведении расследований использовались различные доказательства: вещественные, документальные, показания свидетелей и очевидцев. Обычно-правовыми доказательствами считались нравственные улики, когда виновный определялся по поведению человека, выражению его лица. В качестве "божьего суда" практиковались кулачные бои, жеребьевка. Например, в 1920-е гг. во время становления советской власти с помощью кулачных боев делили луга около Красного Яра Теньгушевского района РМ (в 2,5 км от Теньгушева). На них также претендовали сумеровцы (жители села Суморьево соседнего с Теньгушевским Вознесенского района Нижегородской области), а теньгушевцы их отстаивали. Вспоминала В.С.Пьянзова: "Подруга моей матери участвовала в боях за луга, пуля попала ей в прическу. В то время была мода на пышные прически, волосы зачесывались наверх. Этот случай был кулачным боем, в котором применяли оружие, хотя многие дрались просто на кулаках"³⁹. Во время и после войны кулачные бои стали редкостью.

Итак, на различных этапах развития государственно-правового уклада в условиях советской власти народное правосудие не прекратило своего существования. Напротив, продолжало функционировать, адаптируясь к реалиям новой эпохи. Несмотря на деятельность партийных организаций и сельских советов, колхозов, основные традиционные органы правосудия – сходы и собрания старейшин сохраняли многие присущие им функции, руководствуясь в своей деятельности обычно-правовыми способами разбирательства, без каких-либо санкций официальных сельских органов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *К. фон Бенда Бекманн*. Правовой плюрализм в международном контексте // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. Отв. редакторы Н.И.Новикова, В.А.Тишков. – М.: Издательский дом "Стратегия", 2002. – С. 87 – 88.
2. Образование МАССР. Документы и материалы (1917 – 1937 гг.). – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1981. – С. 30, 40.
3. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р – 37. Оп. 1. Д. 214. Л. 177, 188, 143, 55; Ф. Р – 38. Оп. 1. Д. 131. Л. 49; *Ефимова А.И.* Национальное самосознание мордвы: факторы и тенденции (1920 – 1930 гг.) // Вестник Мордовского университета. – № 1. – 1994. – С. 19 – 24.
4. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р – 37. Оп. 1. Д. 214. Л. 187 – 188.
5. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р – 38. Оп. 3. Д. 123. Л. 1 об.
6. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р – 238. Оп. 3. Д. 123. Л. 1.
7. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р – 238. Д. 97. Л. 25.
8. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р – 238. Оп. 3. Д. 47. Л. 12.
9. ПМА: П.Г.Самушкин, 1978 г.р., эрзя-мордовское село Кижеватово Бессоновского района Пензенской области; Н.В.Денисов, 1983 г.р., мокша-мордовское село Сузгарье Рузаевского района Республики Мордовия.
10. *Абрамов В.К.* Крестьянские восстания на территории Мордовии за годы советской власти // Становление государственности Мордовии: Сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 70-летию Мордовии. – Саранск: Тип. "Крас. Окт.", 2000. – С. 88.
11. ПМА: И.С.Апраткина, 1959 г.р., мокша-мордовское село Новое Пшенево Ковылкинского района Республики Мордовия; К.В.Большакова, 1928 г.р., мокша-мордовское село Мордовский Пимбур Zubovo-Полянского района Республики Мордовия.
12. *Балаиов В.А.* Бытовая культура мордвы. Традиции и современность. – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1992. – С. 138.
13. *Росницкий Н.* Полгода в деревне. – М.: 1928. – С. 58.
14. ПМА: В.П.Чапоргина, 1931 г.р., эрзя-мордовское село Атяшево Атяшевского района Республики Мордовия.
15. ПМА: Ф.В.Марков, 1986 г.р., мокша-мордовское село Старое Дракино Ковылкинского района Республики Мордовия.
16. Положение о выборах в районные, городские, сельские и поселковые советы депутатов трудящихся Мордовской АССР (Утверждено Указом Президиума Верховного Совета Мордовской АССР от 7 октября 1950 года. С изменениями и дополнениями, внесенными Указами Президиума Верховного Совета Мордовской АССР от 6 декабря 1954 года, 5 января 1959 года, 11 ноября 1963 года, 30 ноября 1966 года и 30 марта 1973 года) // Сборник законов Мордовской АССР, указов и постановлений Президиума Верховного Совета Мордовской АССР. – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1975. – С. 240, 245 – 246, 248.
17. ПМА: А.П.Нарватова, 1915 г.р., мокша-мордовское село Перхляй Рузаевского района Республики Мордовия.
18. ПМА: М.Н.Галынова, 1941 г.р., К.В.Кадеева, 1939 г.р., Т.С.Кареева, 1928 г.р., К.З.Келина, 1928 г.р., Ф.Я.Мурзайкина, 1928 г.р., А.З.Черяпкина, 1935 г.р., А.Я.Черяпкина, 1927 г.р., Р.Ф.Юртаева, 1934 г.р., мокша-мордовское село Паево Инсарского района Республики Мордовия.
19. Два века на страже правопорядка. МВД Республики Мордовия: история и современность / Автор-составитель О.В.Корчиганов. – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 2002. – С. 324.
20. ПМА: В.П.Биушкина, 1936 г.р. эрзя-мордовский поселок Новотроицкий Кочкуровского района Республики Мордовия.
21. ПМА: А.Ф.Тараскова, 1936 г.р., эрзя-мордовское село Нароватово Теньгушевского района Республики Мордовия.
22. ПМА: Ф.Ф.Мишечкин, 1967 г.р., мокша-мордовское село Верхняя Лухма Инсарского района Республики Мордовия.
23. ПМА: О.Н.Панькина, 1985 г.р., М.А.Байкаева, 1947 г.р. мокша-мордовское село Глушково Инсарского района Республики Мордовия.
24. ПМА: И.С.Кудашкин, 1951 г.р., эрзя-мордовское село Батушево Атяшевского района Республики Мордовия.
25. ПМА: А.А.Бухаркин, 1946 г.р., эрзя-мордовское село Сабанчеево, С.Г.Беспалова, 1971 г.р., эрзя-мордовское село Селищи, В.М.Кузоваткин, 1948 г.р., эрзя-мордовское село Алово Атяшевского района Республики Мордовия.
26. ПМА: А.Ф.Чумаева, 1933 г.р., село Перхляй.
27. ПМА: А.А.Попкова, 1929 г.р., мокша-мордовское село Старое Синдрово Краснослободского района Республики Мордовия.
28. ПМА: Е.А.Лукина, 1987 г.р., г. Ковылкино, Республика Мордовия.
29. ПМА: Н.И.Панькин, 1960 г.р., село Глушково.
30. ПМА: Ф.В.Марков, 1986 г.р., село Старое Дракино; Ф.П.Семибратов, 1942 г.р., Мордовский Пимбур.
31. ПМА: Н.Н.Ошкина, 1976 г.р., г. Ковылкино, Республика Мордовия.
32. ПМА: А.Ф.Чумаева, 1933 г.р., В.М.Федотова, 1944 г.р., Н.А.Сардаева, 1938 г.р., В.С.Пьянзова, 1952 г.р., село Перхляй.
33. ПМА: И.В.Ларькина, 1982 г.р., Е.В.Степайкина, 1986 г.р., эрзя-мордовский поселок Чамзинка Чамзинского района Республики Мордовия.
34. ПМА: М.П.Семионкина, 1932 г.р., мокш.-русский поселок Торбеево Торбеевского района Республики Мордовия.
35. ПМА: Ю.И.Борискин, 1986 г.р., С.Ф.Тишкин, 1978 г.р., мокша-мордовское село Атюрьево Атюрьево района Республики Мордовия.

36. ПМА: О.Н.Панькина, 1985 г.р., Байкаева Мария Афанасьевна, 1947 г.р., село Глушково.
37. ПМА: А.П.Туркичев, 1959 г.р., эрзя-мордовское село Мордовская Норка Шемышейского района Пензенской области.
38. ПМА: Ф.В.Марков, 1986 г.р., Старое Дракино, А.П.Надорова, 1934 г.р., село Перхляй.
39. ПМА: В.С.Пьянзова, 1952 г.р., село Перхляй.

ON THE HISTORY OF THE MORDOVIAN CUSTOMARY LAW SYSTEM DURING THE SOVIET PERIOD

© 2008 Yu.N.Sushkova

Mordovian State University named after N.P.Ogaryov

In the article some traditional legal aspects of life of the Mordvins during the Soviet period, mainly in 1917 – 1950s, are discussed. The author analyzes functioning of village gatherings and courts of the village elders as major elements of customary judiciary system. The central attention is focused on the commune, which guaranteed the implementation of legal customs. In addition, the evolution of the commune and its legal structures at the time of the formation of the village soviet and kolkhoz is shown. On the basis of the wide range of sources, primarily archive and field materials, the author gives concrete examples of legal conflicts resolution in the criminal and property spheres in accordance with norms of the customary law.